

ОГЛАВЛЕНИЕ

История Петра Великого

ВВЕДЕНИЕ	6
СМУТА КОНЦА XVII ВЕКА. ПЕТР И СОФЬЯ. НАЧАЛО ПРЕОБРАЗОВАНИЙ . . .	10
ИНОСТРАНЦЫ ПРИ ПЕТРЕ. НЕМЕЦКАЯ СЛОБОДА. ПЕРВЫЕ ВОЕННЫЕ ПОХОДЫ	21
СТРОИТЕЛЬСТВО ФЛОТА. ПОЕЗДКА ЗА ГРАНИЦУ. СТРЕЛЕЦКИЙ БУНТ	39
НОВЫЕ ОБЫЧАИ. МИР С ТУРКАМИ И ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ СО ШВЕДАМИ .	57
СЕВЕРНАЯ ВОЙНА. ОСНОВАНИЕ ПЕТЕРБУРГА. ПОЛТАВСКАЯ БИТВА	73
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В УПРАВЛЕНИИ, ЭКОНОМИКЕ, КУЛЬТУРЕ И БЫТУ	94
ЦЕРКОВНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ. БУНТЫ В АСТРАХАНИ И НА ДОНУ	113
ПРУТСКИЙ ПОХОД. ОКОНЧАНИЕ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ И ОБРАЗОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	131
БОРЬБА СО ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯМИ. ЦАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО	150

РАССКАЗЫ ИЗ РУССКОЙ ИСТОРИИ XVIII ВЕКА

МАЗЕПА	178
«ПТЕНЦЫ ГНЕЗДА ПЕТРОВА»	193

ИСТОРИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

ВВЕДЕНИЕ

Долгое время все внимание русского человека было обращено на Восток, к миру степных, хищных варваров, народов кочевых, нехристианских, стоявших на низшей ступени развития, чем народ русский. Русский человек сознал свое резкое различие от этих народов и, находясь в том возрасте, когда преобладает чувство, сознал свое резкое различие от степного варвара в религии; не русский и татарин, но христианин и бусурманин, или поганый, вот какие представления были наперед; здесь прошла резкая нравственная граница между русскою народностью и азиатским миром.

Но на Западе другие соседи, народы с другим характером. И здесь прежде всего было подмечено и стало на первом плане религиозное, т. е. вероисповедное, различие: православный христианин или просто христианин, христианин по преимуществу, и латынец (римлянин), литтор, кальвин; и здесь, на Западе, вероисповедное различие провело резкую нравственную границу русской народности, вот почему и говорим мы, что православие легло в основу русской народности, охранило ее духовную и политическую самостоятельность; под его знаменем поднялась и собралась Восточная Россия, чтоб не пустить на московский престол латынца, польского короля или сына его; под его знаменем отстаивала свою народную самостоятельность западная Россия в борьбе с Польшею.

Россия дурно защищена природою, открыта с востока, юга и запада, легкодоступна вражьиим нападениям, но отсутствие резких физических границ заменено для русско-

го народа духовными границами, религиозным различием на востоке и юге, вероисповедным на западе; в этих-то границах крепко держалась русская народность и сохранила свою особность и самостоятельность.

Затем русский человек, разумеется, обратил внимание и на другие черты сходства и различия между своими соседями, между народами, с которыми имел дело, и по этим чертам также начал определять свои отношения к ним. Он заметил, например, племенное сходство и различие и поставил поляков-литву особо, немцев, т. е. всех западноевропейских народов неславянского происхождения, особо. Заметил и резкое различие между восточным и западным человеком, азиатским и западноевропейским, грубость первого, умелость, образование второго. Особенно поразило русского человека в противоположность с его собственной бедностью богатство заморского немца, англичанина, голландца, гамбурца, любчанина, богатство и искусство (досужество).

Заморский немец привозит товары необходимые, но которых русский человек не умеет делать; у заморских немцев много денег, и, кроме того, они умеют вести свои дела, умеют вести их сообща, умеют сговориться и поставить на своем, тогда как русские люди торгуют каждый отдельно, не умеют сговариваться, помогать друг другу и поэтому всегда в проигрыше пред немцами, не могут с ними стянуть, как они сами выражаются. Немцы привозят товары дорогие, которые в их земле не рождаются, рождаются далеко за океаном, но немцы на кораблях своих плавают по всем морям, пристают ко всем землям, покупают дешево, продают дорого и наживают великие барыши.

Русский человек присматривается к немцам, которые из них богаче, которые искуснее, и видит, что богаче, искуснее немцы поморские, те, у которых больше кораблей, те, которые плавают и торгуют по всем морям. Отсюда для русского человека представление моря как силы, которая дает богатство, отсюда страстное желание, стрем-

ление к морю, чтоб посредством него стать таким же богатым и умелым народом, как народы поморские.

Таким образом, богатство и умелость заморских иностранцев, противопоставленные собственной бедности и неразвитости, пробудили в сильном историческом, т. е. способном к развитию, народе стремление выйти из своего затруднительного, печального положения, умерить односторонность земледельческого быта промышленным и торговым развитием, средствами указанными, действительность которых очевидна; отсюда движение от востока к западу, от Азии к Европе, от степи к морю. И это движение началось сейчас же, как только восточные варвары ослабели, русские осилили их, могли вздохнуть поспокойнее, оглядеться и заметить сказанное различие между собою и поморскими народами, ибо великий исторический народ пребывать в застое не может, а если древняя Россия нам представляется в застое, то это застой относительный, это только медленность движения в известных сферах вследствие могущественных препятствий, встречаемых народом.

Как только татарские ханы перестают подходить к Москве и брать в плен ее князей, сын того князя, который был пленником в Казани, Иоанн III уже заводит сношения с Западной Европой и вызывает тамошних художников, чтобы строить церкви, дворцы и башни в своем Кремле. Внук его Иоанн IV, как только уgomонил восточных татар взятием Казани и Астрахани, так сейчас же обращает все свое внимание на запад, хочет непременно добиться до заветного моря. Оттолкнутый от него соединенными усилиями поляков и шведов, Иоанн IV готов отдать всю русскую торговлю в руки англичан, лишь бы только те помогли ему получить хотя одну гавань на Балтийском море.

Царь Алексей Михайлович делает наивное предложение герцогу Курляндскому, не может ли тот позволить строить в своих гаванях русские корабли; это всего лучше

показывает движение и его направление, всего лучше показывает, как мысль о море стала господствующей, неотразимой. Таким образом, русские уже двинулись, и новый путь был определен; движение начинается с XV и XVI века, одновременно, следовательно, с движением западноевропейских народов, с их переходом из одного возраста в другой, но у нас, на Востоке, это движение шло чрезвычайно медленно вследствие страшных препятствий.

Польша и Швеция легли на дороге, загородили море, пробиться было невозможно с теми нестройными массами, какие представляло русское войско, требовавшее для успеха коренного преобразования. На западе загорожена дорога, а восток, степной восток, употребляет последние усилия, чтоб удержать свою добычу, свою пленницу — Россию. В то время как царь Иоанн IV обратил все свое внимание на запад, крымский хан подкрался и сжег Москву, сжег так, что она уже после того не поправлялась.

Только что при царе Борисе успели решить вопрос, что лучше отправить своих русских за границу учиться, чем вызывать иностранных учителей в Россию, только что распорядились исполнением этого решения, как степи снова всколыхались, явились оттуда казаки с самозванцами и выполнили степную работу опустошения, уравнивания, т. е. уравнивали все с землею получше татар; долго Россия должна была отдыхать, оправляться после посещения этих проповедников протеста. Путешественники рассказывают, что когда они проезжали местами, где гостили казаки, то, чтоб остановиться и погреться в избах, прежде нужно было очистить эти избы от трупов их прежних обитателей.

После такой болезни нельзя было требовать сильного движения от выздоравливающего, а тут, едва восточная Великая Россия начала оправляться, движения в Западной России, сведение старых счетов с Польшею, казацкие смуты в Малороссии замедляли движение, замедляли, но оно

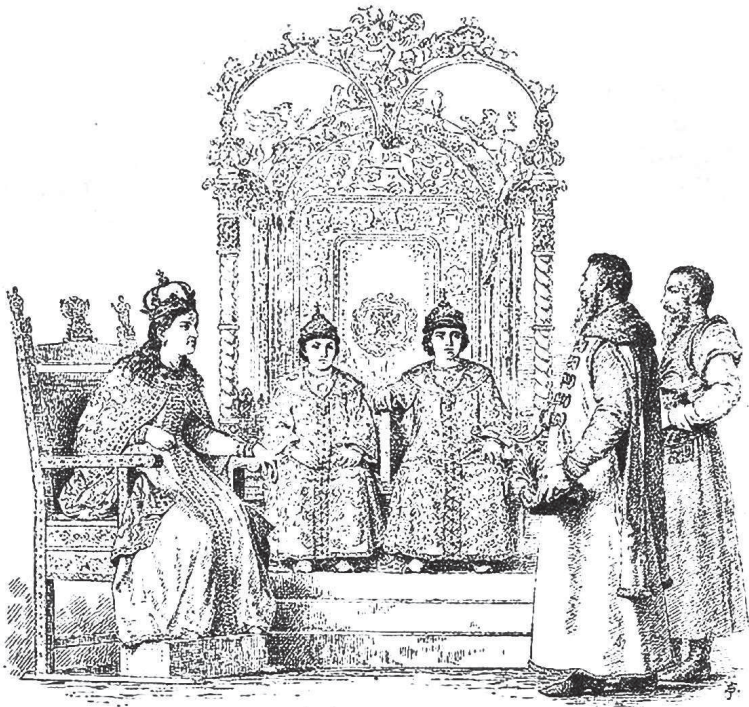
не прекращалось: шли ощупью, принимали полумеры, но двигались, вводили преобразования в войске, отбиваемые от Балтийского моря, строили корабли для Каспийского.

Все яснее и яснее становилось сознание необходимости вывести страну на новый путь, все яснее и яснее становилось сознание средств этого вывода; и как скоро сознание окончательно уяснилось, то народ должен был вдруг ринуться на новую дорогу, ибо разлад между сознанием того, что должно быть, и действительностью возможен у отдельного человека и целого народа только при условии крайней слабости воли, одряхления, но таким не был русский народ в описываемое время. Экономический переворот как удовлетворяющий главной народной потребности становился на первый план и как совершившийся вдруг тем сильнее давал себя чувствовать. В органе государственном нельзя дотронуться до одного органа, не коснувшись в то же время и других, и вот причина, почему вместе с экономическим преобразованием шло и множество других.

Необходимость движения на новый путь была сознана, обязанности при этом определились; народ поднялся и собрался в дорогу, но кого-то ждали, ждали вождя, вождь явился.

СМУТА КОНЦА XVII ВЕКА. ПЕТР И СОФЬЯ. НАЧАЛО ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Основные условия жизни России, изначальная громадность государственной области и редко разбросанное народонаселение, замедляя развитие общества, цивилизацию, т. е. разделение труда и соединение сил, тем самым требовали чрезвычайной деятельности правительственной в соединении и направлении разбросанных сил для общих государственных целей; постоянная опасность от врагов требовала, естественно, постоянной диктатуры, и,

*Цари Иоанн и Петр Алексеевичи.
Правительница Софья Алексеевна.
Художник В.П. Верещагин.*

таким образом, в России выработалось крепкое самодержавие.

В конце XVII века, точно так же как и в начале его, эта власть ослабела, и по этому поводу произошли сильные волнения, к которым наши предки отнеслись одинаково, назвавши их одним именем — смуты; как династические перемены служили поводом к смуте в начале XVII века, так династические же беспорядки повели и к смуте в конце века. Смута началась по поводу преждевременной смерти царя Алексея Михайловича, которому наследовал больной сын его Федор, скоро умерший беспотомственно.

После него провозгласили царем малолетнего брата его Петра, за которого должна была управлять его мать, царица Наталья. Малолетство государей обыкновенно ведет к смутам, а тут были еще другие сильные поводы к ним. В семье царя Алексея страшный раздор вследствие того, что дети не от одной матери. Царица Наталья, мать Петра, мачеха старшим его братьям и сестрам, для которых она и ее дети были неприятным, тяжелым явлением в последние годы царя Алексея. По смерти его, когда вступил на престол Федор Алексеевич, сын от первого брака, мачеху с ее детьми удалили, оскорбили ее ссылкой ее родных и людей самых близких. Обида прошла по семье, и добра не будет.

По смерти Федора Алексеевича наступило время царицы Натальи: сын ее Петр провозглашен царем мимо старшего брата Иоанна, совершенно неспособного и больного; этот Иоанн — последний сын царя Алексея от первого его брака, но у него много сестер, девиц-царевен, из которых одна была знаменитая Софья Алексеевна, представляющая любопытное явление, знамение времени.

Неслыханное было прежде дело, невозможное, чтоб девица, царевна вышла из терема и приняла участие в делах правительственных, а теперь Софья именно это делает. Что же была за причина этого явления? Дух времени, можно ответить общепринятым выражением, точнее,

сознание необходимости перемены, сознание, прояснявшееся во дворце прежде, чем где-либо. Причина этому явлению та же, которая заставляла русского человека пробираться сначала в Киев, потом и дальше за наукою, которая заставляла царя и вельмож вызывать для своих детей учителей из-за границы; причина та же, которая заставила царя Алексея завести при дворе своим театральные представления и потешать ими себя и свое семейство. Царевна вышла из терема; обстановка двора уже не та: у братьев — учитель, известный Симеон Полоцкий, который учит и сестру, учит легко и весело, передает много разных вещей, все у него примеры, анекдоты, остроумные изречения, и все в стихах для лучшего удержания в памяти. Сфера расширяется, птица побывала на свободе, видела мир Божий; старый терем становится тесен и душен; умирает отец; царевна около болезненного брата, царя Федора: кто запретит сестре быть у больного брата, прислуживать ему? У больного бояре рассуждают о делах; царевна слушает и учится, ей легко выучиться, потому что прежде была приготовлена; вот уже она в новой широкой сфере, и сфере обольстительной для существа энергического, честолюбивого, а тут и страсть, страсть к человеку самому видному по способностям и образованию, к кн[язю] Вас[илию] Вас [илиевичу] Голицыну.

Новая жизнь крепко обхватила царевну Софью. Но брат Федор умирает, и царем провозглашают маленького Петра, т. е. отдают правление матери его Наталье. Что же предстоит царевне Софье? Проститься со всеми обаяниями этой новой раскрывшейся для нее жизни, выйти из этой широкой сферы, где так было расправились ее силы, и возвратиться опять в терем. Терем? Но ограничится ли дело теремом? Не вероятнее ли всего, что ей с сестрами предстоит монастырское заключение, ибо могут ли они ожидать милости от мачехи, которую раздражали, оскорбили? Жизнь улыбнулась так приветливо, и вдруг должно отказаться от нее, в цвете лет стать невольною, опаль-

ною монахиною, претерпеть стыд унижения пред ненавистною мачехою.

Искушение было слишком велико; Софья станет действовать по инстинкту самосохранения, станет изо всех сил, всеми возможными средствами отбиваться от судьбы, от терема, монастыря, с отчаянием полного силы и жизни человека, которого влекут зарывать живым в могилу. Она ищет около себя средств спасения и находит: стрельцы недовольны, их можно возбудить против нового правительства, но это можно сделать только обманом, сказавши, что старшего царевича Ивана, законного наследника престола, несправедливо обойденного, обиженного, извели родственники царицы Натальи, Нарышкины. Чрез это возбуждение можно заставить стрельцов истребить мнимых убийц царевича, истребить людей, советом, помощью которых была сильна царица Наталья, этим истреблением уничтожить возможность примирения между стрельцами и царем Петром, его матерью и оставшимися в живых ее приверженцами, связать неразрывно интересы стрельцов с интересами Софьи, ее брата и сестер, заставить их действовать в их пользу.

Кровавая программа была в точности исполнена: родственники и приверженцы царицы Натальи истреблены, хотя царевич Иван оказался жив и невредим; его провозгласили царем, но свергнуть младшего брата Петра, прежде провозглашенного, которому уже присягнула Россия, не решились, отняли только правление у царицы Натальи и отдали его Софье.

Легко было понять, что смута этим не оканчивалась: это был только кровавый пролог драмы, а не развязка ее. Софья только отдала решение страшного вопроса; вопрос оставался и волновал всех, не давал никому покоя. Стрельцы, раздражившие своим буйством вельмож и все мирное народонаселение, ежеминутно опасались следствий этого раздражения, видели в боярах непримиримых своих врагов и ждали от них справедливой мести; они

боялись мести от целой России, боялись дворянского войска, которое могло собраться из областей и задавить их ничтожный сравнительно корпус.

Стрельцы волновались от страха; каждому, кто находил в том свои выгоды, ничего не стоило пугать их внушением, что бояре уже решили истребить их; стрельцы волновались от страха, но своими волнениями наводили ужас на мирное народонаселение; оно не могло заснуть покойно в ожидании проснуться от набата и стрельбы, от зловещих криков «Любо!», которыми стрельцы приветствовали свои жертвы, принимая их на копья. Правительница приняла энергические меры для прекращения стрелецких волнений. Угрозою, что правительство покинет Москву, обратится к России, призовет на свою защиту дворянское войско, этою угрозою она заставила стрельцов отступить от раскольников, которые, воспользовавшись смутою, пришли в Кремль, в самый дворец, чтоб спорить с патриархом в присутствии правительницы, и один из них решился сказать ей страшные, невыносимые для нее слова: «Пора вам, государыня, в монастырь; только царством мутите». Чтоб избавиться от любимого начальника стрельцов князя Хованского, человека очень беспокойного по своему властолюбию, Софья привела в исполнение свою угрозу — выехала из Москвы; Хованский был схвачен, привезен к правительнице в село Воздвиженское близ Троицкого монастыря и казнен без суда. Стрельцы забушевали, услышав о казни своего любимого батьки, так их баловавшего, но скоро утихли, потому что бороться с дворянским войском им было нельзя. Софья усмирила стрельцов, самые буйные из них были удалены, но этими государственными мерами правительница уничтожила свои собственные средства, тогда как страшный вопрос о будущем оставался и все более и более приближался к своему решению.

Странная форма двоевластия была принята вследствие стрелецкого насилия; впрочем, она не могла очень

беспокоить по неспособности Иоанна к правлению, по его болезненности, следовательно, и недолговечности, по имению детей мужского пола. Но что успокаивало других, то мучительно тревожило Софью: Иоанн, ее единоутробный брат, недолговечен, а младший Петр, настоящий царь в глазах всех, растет, и, когда достигнет совершеннолетия, правительство Софьи уничтожится само собою. Что тогда? Поток крови уже прошел между Софьей и Петром; царское семейство представляло два враждебные лагеря, и ненависть между ними усиливалась день ото дня; примирение было невозможно; с обеих сторон зорко следили за движениями друг друга, готовили средства защиты... При первом известии о волнении между приверженными к Софье стрельцами Петр делает то же, что уже сделала Софья в борьбе с Хованским: он спешит в Троицкий монастырь и призывает на свою защиту дворянское войско, обвиняя приверженцев Софьи в злоумышлении против себя. Софья стала в Москве в безвыходное положение; тщетно обращается она к стрельцам, желая поднять их на свою защиту; стрельцы не трогаются, они чувствуют всю бессмысленность борьбы с царем, располагающим средствами всей России; они чувствуют всю бессмысленность борьбы против силы материальной и силы нравственной, против права, несомненного в глазах России. Стрельцы выдают Софью, и то, чего больше всего она боялась, совершается: монастырская келья принимает в свои печальные, гробовые стены существо плоти и крови, существо, жаждущее мирской жизни.

Смута кончилась; Софья в монастыре, приверженцы ее на плахе или в ссылке; скоро умирает царь по имени только, Иоанн Алексеевич, остается один Петр. Мы уже несколько раз упоминали о нем, но другие лица загораживали его; теперь около него стало просторно, можно подойти поближе, рассмотреть внимательнее.

Вот первое письмо его к матери из Переславля, когда ему было 17 лет; форма письма обычная в то время,

с употреблением уменьшительных, уничижительных слов, как по-тогдашнему следовало писать детям к родителям:

«Сынишка твой, в работе пребывающий, Петрушка благословения прошу, и о твоём здравии слышать желаю, а у нас молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось, и суды все, кроме большого корабля, в отделке».

Итак, вот первое слово нам Петра, которого мы зовем Великим, первое им самим себе сделанное определение: «в работе пребывающий». Это первое определение останется навсегда за ним и дружно уместится подле определения Великий. Прошло много времени, и знаменитый поэт, который прозвучал нам столько родного, который дал нам столько народных откровений, не нашел лучшего определения для Петра: «На троне вечный был работник».

Петр работник, Петр с мозольными руками — вот олицетворение всего русского народа в так называемую эпоху преобразования. Здесь не было только сближения с народами образованными, подражания им, учения у них; здесь не были только школы, книги, здесь была мастерская прежде всего, знание немедленно же прилагалось, надобно было усиленную работою, «пребыванием в работе» добыть народу хлеб насущный, предметы первой необходимости. Народы в своей истории не делают прыжков: тяжкая работа, на которую был осужден русский народ в продолжение стольких веков, борьба с азиатскими варварами при условиях самых неблагоприятных, борьба за народное существование, народную самостоятельность кончилась, и народ должен был естественно перейти к другой тяжелой работе, необходимой для приготовления к другой деятельности, деятельности среди народов с другим характером, для приготовления себе должного, почетного места между ними, для приготовления средств бороться с ними равным оружием.

Это-то оружие и надобно было выработать, и выработать как можно скорее, ибо время не терпело. Над чем же прежде всего и больше всего работает царь-работник,

представитель своего времени, выразитель его потребности? Он работает над кораблем, это его любимая работа, вода — его любимая стихия, он ищет все большего простора на ней, из подмосковного пруда переходит на озеро, с одного, меньшего озера на большое, от последнего к морю. Богатырю древней России было тесно в городе, он рвался в широкую степь, но зачем? Для бесплодного гулянья, для того, чтоб гулять на счет тех, которые трудились.

Человек, одаренный страшными силами, богатырь новой России, Петр рвется также на широкий простор, но этот простор — море. В степи богатырь мог встретить дикого кочевника и упражнять над ним свою физическую силу, нравственные и умственные его силы не развивались от этой борьбы; новый богатырь может быть безопасен, может успешно бороться с грозною стихией, морем, не иначе как посредством знания, искусства. На море, на его берегах он встретит людей, противоположных кочевым варварам, людей, богатых знанием, искусством, от которых есть чем позаимствоваться, и когда придется вступить с ними в борьбу, то для нее понадобится не одна физическая сила, понадобится чрезвычайное напряжение умственных сил.

В жизни русского народа совершался переход из одного возраста в другой; этот переход естественно выражался в повороте от степи к морю; и что ж делает вождь народа, за каким первым делом мы застаем его? Он строит корабль, и когда мы припомним это страстное желание моря, корабля, обнаружившееся в России XVI и XVII века, обнаружившееся в деятельности Иоанна IV и Алексея Михайловича, то мы поймем ясно отношение великого человека к народу, к его потребностям в известное время, и другое значение получит для нас эта страсть к морю Петра, который скучал в тесных гористых пространствах, был спокоен и доволен только на море, и печальная по природе своей, но близкая к морю и богатая водою местность была для него раем.

Но, быть может, скажут: для чего же было царю становиться работником? Дело царя царствовать, а не плотничать; признал Петр необходимость завести флот и завел бы; для чего же самому участвовать в постройке судов? Эти суждения, по-видимому, справедливы, но в сущности применительно к известному явлению совершенно неверны, происходят от нашей непривычки высвободиться от своих настоящих условий жизни и переноситься в условия того времени, которое хотим изучить, понять и которое никак не поймем, если не отстанем от этой привычки.

Мы живем в условиях цивилизации и смотрим все на народы, живущие в этих же условиях еще больше, чем мы, а сущность цивилизации, как мы знаем, состоит в разделении занятий, господствующем как во всякой другой, так и в правительственной сфере. Каждый знает, делает свое одно какое-нибудь дело. При таком порядке естественно и легко главе государства поручить какое-нибудь новое дело известному лицу или собранию лиц, ибо это новое дело по характеру своему непременно относится к известному отдельному ведомству, управляющие которым приготовлены к делу своим воспитанием и опытностью, и, как бы дело ни было ново, связь его с известным рядом дел ясна, и по этой связи человеку приготовленному и опытному легко понять его, овладеть им, приложить его. Но не таково было положение России в конце XVII и начале XVIII века: разделение занятий в правительственной сфере по известным ведомствам быть не могло по самой простой причине, что нечего было делить.

Явилось сознание необходимости для государства, для народа выйти на новую дорогу для продолжения исторической жизни, сознание нудящих потребностей, которым необходимо было удовлетворить как можно скорее; но где средства для этого удовлетворения, где знание, умение приняться за дело? Средство есть, по-видимому, очень легкое: призвать искусного иностранца и поручить ему дело. Средство, по-видимому, очень легкое, но в сущ-

ности чрезвычайно тяжелое, могущее обойтись для народа очень дорого, не в отношении только материальном, не в отношении только денег; деньги — дело нажитое, но при неразумном, страдательном употреблении означенной меры можно потерять такое нравственное добро, которого после не наживешь.

Для русского народа была и другая невыгода: он должен был иметь дело с учителями из чужих живых и сильных народностей, которые не останавливались, но шли быстро в своем развитии, почему юный народ, долженствовавший заимствовать у них плоды цивилизации, осужден был гнаться за ними без отдыха, с страшным напряжением сил. Ему не давалось передышки, досуга передумать о всем том, что он должен был заимствовать, переварить всю эту обильную духовную пищу, которую он воспринимал. Внимание его было постоянно поглощено этим разнообразием явлений, которое представлял ему цивилизованный мир Западной Европы, и, естественно, отвлекалось от своего, а это вело к томительному недоумению, с каким русский человек останавливался между явлением, которое он видел у других народов и для него желанным, и отсутствием условий для его произведения на родной почве или неумением отыскать эти условия. А тут еще новая невыгода от постоянного присутствия перед глазами русского человека живых сильно развивающихся народов, та же самая невыгода, какая проистекает для отдельного молодого человека, когда его слишком долго оставляют под надзором и руководством наставника: молодой человек привыкает ходить на помочах в ущерб самостоятельности и быстроты своего развития. Таковы-то были чрезвычайно неблагоприятные обстоятельства, которые встретил русский народ при своем движении на запад, при соединении с тамошними цивилизованными народами.

Народы слабые при встрече с цивилизацией, с разнообразием новых явлений и отношений, какие она им представляет, не могут выдержать ее натиска и падают, выми-

рают. Народ русский обнаружил необыкновенную силу, выдержавши натиск цивилизации; но можно ли сказать, чтоб это было для него легко, чтоб он не подвергался при этом страшным опасностям, тяжелым ударам? В первую половину своей истории он долго вел борьбу с Азией, с ее хищными ордами, выдерживая их страшные натиски и заставляя от них Западную Европу; долго боролся он с ними из-за куска черного хлеба. Вышедши победителем из этой борьбы, он смело ринулся на другую сторону, на запад, и вызвал чародейные силы его цивилизации, чтоб и с ними померяться. Вызов был принят, и страшен был натиск этих чародейных сил; это уже не был материальный натиск татарских полчищ, это был натиск потяжелее, ибо это был натиск духовных сил, натиск нравственный, умственный.

Таковы были опасные стороны нового положения, в какое становился русский народ. Благодаря успехам нашей науки мы оставили далеко за собою ребяческие мнения, по которым одному человеку приписывалось то, что являлось по общим, непреложным законам народной жизни, мнения, по которым в вину одному человеку ставились неблагоприятные обстоятельства, бывшие необходимым следствием известных исконных условий развития какого-нибудь народа. Но мы должны признать и значение вождей народных, великих людей: от их искусства зависит уменьшить затруднения, ослабить вредные влияния опасных сторон известного положения, провести народный корабль во время бури без больших потерь.

ИНОСТРАНЦЫ ПРИ ПЕТРЕ. НЕМЕЦКАЯ СЛОБОДА. ПЕРВЫЕ ВОЕННЫЕ ПОХОДЫ

Русский народ в эпоху преобразования, вследствие связи своей с живыми и сильными народностями, от которых должен был заимствовать плоды цивилизации, у которых должен был учиться, должен был подвергнуться

их влиянию, как ученик подвергается влиянию учителей. Здесь первое, главное средство для уменьшения опасности положения состояло в том, чтоб не позволить народу-ученику продолжительного страдательного отношения к народам-учителям. Речь идет об ученике, учителях; следовательно, сравнение, объяснение из школьной, воспитательной сферы напрашивается само собою. Представим себе такого учителя, который постоянно сообщает своему ученику множество знаний, делает пред ним множество опытов, решает множество задач, но при этом не обращает никакого внимания на ученика; усвоил ли тот преподавание и в какой степени усвоил — ему до этого дела нет.

Такое преподавание возможно и правильно как высшее преподавание, когда наставник имеет дело с человеком вполне приготовленным, но такое преподавание никуда не годится как начальное, имеющее целью приготовить человека, сделать его способным к принятию высшего преподавания. Здесь преподавание тем полезнее, чем более имеет в виду ученика, чем более наставник старается развивать самостоятельную его деятельность: пусть ученик с самого же начала испытывает свои силы, сам сейчас повторяет преподанное правило, сейчас же прилагает узнанное к делу. Только посредством такого учения человек может развить свои способности, приобрести привычку к самостоятельной деятельности, окрепнуть духовно.

Легко понять, что именно такое учение нужно было и русскому народу в этой начальной школе преобразования, когда при опасном столкновении с народами-учителями нужно было прежде всего озаботиться развитием самостоятельной его деятельности, избежанием по возможности страдательного положения, избежанием духовного принижения пред чужим, сохранением свободных отношений к чужому, духовной независимости, сознания своего достоинства.

Что же делает народный вождь? Он проходит сам эту практическую, деятельную школу и заставляет других про-

ходить ее. Он носит в себе ясное сознание, что его время есть время школы, школьного учения для народа, время школы, взятой в самых широких размерах, но при этом он сознает лучшее средство пройти школу как можно безопаснее и как можно полезнее, имея в виду развитие самостоятельной деятельности народа. Отсюда вполне уясняется нам значение этой неутомимой работы Петра. Услыхал что-нибудь — непременно хочет посмотреть — так ли? Увидал какую-нибудь вещь — сейчас же хочет дознаться, для чего она употребляется, и сейчас же произвести опыт, посмотреть, как она употребляется; увидал какое-нибудь производство — сейчас же сам принимает в нем участие. Только эту неутомимую работу он может избежать сам крайне опасного страдательного положения в отношении к иностранцам и избавить от него народ свой. Мы уже говорили, что, когда понадобится новое, чего русские люди не знали, не умели делать, всего легче было бы призвать знающих, умеющих иностранцев и поручить им введение всего нового, но тогда именно народ нашелся бы в страдательном положении, полной зависимости, духовном принижении.

Без иностранцев обойтись было нельзя, но чтоб сохранить к ним свободное, независимое, мало того, властелинское, хозяйское отношение, надобно было приобрести способность надзора, проверки, а такую способность Петр и по его примеру и побуждению его сотрудники могли приобрести только эту неутомимую работу, этим немедленным практическим приложением всего узнанного. Чтоб сохранить свободное и хозяйское отношение к иностранцам, нельзя было допустить их к себе и дать им делать что хотят и как хотят: нужно было побывать у них самих, в их землях, посмотреть, как там делается, до какой степени совершенства может достигать то или другое дело, и с этим соразмерять свои требования. Но главная забота состояла в том, чтоб дать пройти русскому народу хорошую школу, т. е. деятельную, практическую, прило-

жительную с самого начала, чтоб не дать ему привыкнуть к страдательному положению относительно иностранных учителей, не дать потерять сознания своего народного достоинства. Школа, как уже сказано, была в самых широких размерах; все отправления государственной и народной жизни входили в нее, всюду русский человек должен был учиться и одновременно прилагать изученное, узнанное к делу.

Легко ли это? Сам вождь возвышался над уровнем человеческих способностей, был человек гениальный, но как человек и он должен был ошибаться, особенно в таком трудном деле. Что же другие? Петр заранее признает необходимость и пользу ошибок, неудач при учении; дурно, если все удастся, особенно сначала: ошибка, неудача учит осторожности, гонит гордость, самомнение.

Два отдела великой народной школы, которую проходили русские люди при Петре, были особенно важны по отношению к иностранцам, иностранным учителям: это война в собственном смысле и борьба мирная между народами, борьба дипломатическими средствами. Здесь Петр подвергался страшному искушению; иностранцы старались внушить ему: нельзя вести войны с неприготовленными, не выученными офицерами и генералами, особенно главными, фельдмаршалами, здесь ошибки, неискусство, неопытность вождей могут иметь неисчислимо гибельные следствия. Надобно поэтому для успеха войны пригласить иностранных фельдмаршалов, генералов, офицеров, и русские пусть готовят, учатся. Но Петр знал, что война есть лучшая школа для способностей, что нельзя выучиться делу, только смотря, как другие делают, и назначал своих русских генералами и фельдмаршалами: пусть сначала ошибаются, но зато выучатся.

То же самое на попроще дипломатическом. Россия вошла в сношение со всеми значительнейшими европейскими дворами: одни из них она должна была привлекать в союз с собою, другие по крайней мере удерживать от вра-

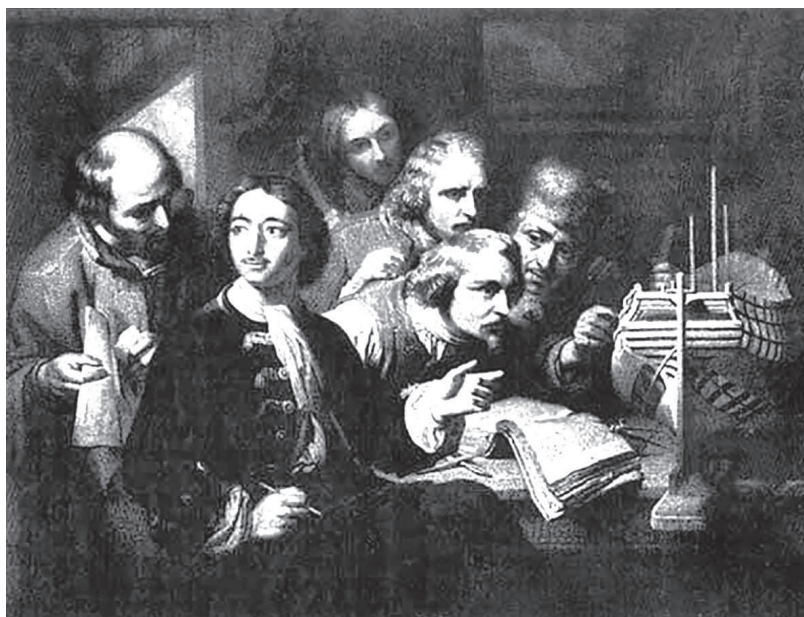
жды, вводить в свои интересы, при всех дворах нужно было иметь ей постоянных представителей, которые бы неусыпно блюли за русскими интересами в этом многосложном движении международной европейской жизни. И опять страшное искушение, опять внушают: русские совершенно не приготовлены к дипломатическому поприщу, они не знают ни прошедшего, ни настоящего тех держав, где будут уполномочены, вообще имеют смутное понятие об отношениях европейских народов друг к другу, об истории этих отношений. Неминуемое следствие такого незнания — неловкость положения, ошибки, которые будут иметь губительные следствия для русских интересов; необходимо поэтому назначать на главнейшие дипломатические посты знающих, искусных иностранцев. Но Петр преодолел и это искушение: русские должны выучиться на своей практике; пусть сначала будут ошибаться, ошибки пойдут в пользу понятливым и усердным ученикам, и на всех важнейших дипломатических постах являются русские люди.

То же самое по всем частям управления; у Петра было правило — во главе известного управления ставить русского человека, второе по нем место мог занимать иностранец, вследствие чего при кончине Петра судьбы России оставались в одних русских руках. Соблюдением этого правила Петр в опасный период ученичества отстранял духовное принижение своего народа перед чужими народностями, сохраняя за ним властелинское, хозяйское положение: искусному иностранцу были рады, ему давались большие льготы и почет, он не мог только хозяйничать в стране. Но для того чтоб преодолеть все приведенные искушения и дойти до такого правила, неужели достаточно было одних холодных расчетов ума?

Нет, Петр был сам чистый русский человек, сохранявший крепкую связь со своим народом; его любовь к России не была любовью к какой-то отвлеченной России; он жил со своим народом одною жизнью и вне этой жизни

существовать не мог; без этого он не мог так глубоко и горячо верить в свой народ, в его величие; только по этой вере он мог поручить русским людям то, в чем они по холодным соображениям ума не могли иметь успеха по своей неопытности и неприготовленности. И свели они свои счеты — великий народ и великий вождь народный; за горячую любовь, за глубокую и непоколебимую веру в свой народ, народ этот заплатил вождю успехом, превосходящим все ожидания, силою и славою небывалыми: те неопытные русские люди, которым Петр поручил начальство над своими неопытными войсками, оказались полководцами, каких не могла дать ему образованная Европа; те неприготовленные русские дипломаты, не знавшие ни прошедшего, ни настоящего держав, куда были посланы представителями России, очень скоро стали в уровень с самыми искусными министрами европейскими.

Таким образом, уясняется для нас историческое значение этого образа, в каком Петр является в первый раз перед нами и в каком видим его в продолжение всей жизни: «в работе пребывающий», царь-работник, царь с мозольными руками. История ставит народ в исключительное, чрезвычайное положение, положение крайне опасное. Для избежания этих опасностей требовалось чрезвычайное напряжение сил, чрезвычайный труд. Какая же роль великого человека, народного героя и прирожденного вождя, царя? Он первый двигается, первый принимает это чрезвычайное положение, первый принимает на себя чрезвычайный труд, первый проходит эту деятельную школу, которая одна могла развить самостоятельные силы народа, поставить его на ноги, привести в положение, которое бы возбуждало в нем уважение к самому себе и внушало уважение к нему в других народах. Нельзя было говорить другим: «Двигайтесь, работайте, учитесь деятельно, самостоятельно, не отчаивайтесь, когда чего не умеете, начинайте только делать, сами увидите, что сумеете». Нельзя было только говорить это другим и ждать успеха от сло-

*Петр I с голландскими мастерами.
Гравюра с картины Г. Ваннера.*

ва, надобно было показать на примере, на деле; надобно было для начинающего народа употребить наглядный способ обучения, и Петр, становясь работником, учеником, делался чрез это великим народным учителем. Движение началось благодаря сильной руке, но чтоб оно шло с возможною быстротою, успехом, нужен был глаз, надзор заводчика, хозяина, начавшего громадное производство; а что такое глаз, надзор без собственного знания и опыта надзирающего?

Вот почему в этой неутомимой работе, в стремлении все узнать и сделать самому мы видим необходимое приготовление к той царственной деятельности, которая выпадала Петру во время движения его народа на новую дорогу. Народ должен поднять страшную тяжесть; сознает, что должен, обойтись без этого нельзя, но, естественно, колеблется, останавливается в недоумении, как приняться за дело, достанет ли сил. Что же делает великий человек, вождь народный? Он первый подставляет свои могучие плечи под тяжесть, отдает всю свою чрезвычайную силу в общее дело, и дело, благодаря этому вкладу, начинается, идет, народ получает помощь. И вот подле значения великого учителя народного другое значение — великого помощника народного, а образ все тот же — образ царя-работника.

Уяснив для себя этот образ, в котором Петр впервые является перед нами, уяснив для себя это первое определение, которое Петр дал самому себе: «в работе пребывающий», мы будем следить за этою работою, т. е. будем следить за тем, какую помощь оказывал великий царственный работник своему народу в тяжелом деле перехода от его древней истории в новую, перехода, сопряженного с такими тяжестями, каких не испытывал никакой другой народ при подобном переходе.

Прежде всего великая помощь была оказана народу тем, что он был выведен из самого печального, растлевающего силы отдельного человека и целого народа поло-

жения, когда возбужденный ум отрицательно относится к окружающим явлениям, и в то же время не имеет средств создать новые отношения, новый мир, где бы ему было спокойнее и просторнее; прежние явления существуют, но лишены для него содержания, значения, и он ходит между ними, как между гробами и развалинами.

Единственное средство вывести его из такого печального положения — это труд, сильная практическая деятельность, отвлечение его от задавания себе и другим праздных вопросов и привлечение его к решению вопросов на деле. По недостатку точных исторических наблюдений у нас приписывали Петру это отрицательное отношение ко всему существовавшему, разрушительные удары, нанесенные прежним формам государственной жизни, удары, которые тяжело отозвались и в мире нравственном. Но теперь мы знаем, что это отрицательное отношение началось, усилилось прежде Петра; прежде него русский человек уже отрицательно относился ко всему, начиная с бороды, широкого, по азиатскому покрою платья до высшей сферы религиозной, где слышались отрицания как со стороны раскольника, который обольщал себя, будто стоял за неприкосновенность старины, так и со стороны человека, наслушавшегося католических и протестантских внушений. Этот-то период отрицания, сомнения, колебания, — период необходимый, ибо им начинается переход в возраст умственного развития, но страшно вредно действующий на силы отдельного человека и целого народа, когда бывает продолжителен, — этот-то период и был укорочен Петром, который уничтожил праздношатание мысли, засадив русских людей за работу, за решение практических задач.

Природа Петра давала ему средства исполнить это дело, давала ему средства работать без усталости и возбуждать других к работе, природа огненная, природа человека, не умеющего ходить, а только бегать. Природа! А воспитание? Первоначальное воспитание, полученное Петром,

было древнерусское: грамотность повела непосредственно и, можно сказать, исключительно к изучению Св[ященного] Писания, что и дало на всю жизнь обильное питание его глубокой религиозности. Церковная жизнь не коснулась его только внешним образом, он не признал ее необходимости только с государственной точки зрения и холодно подчинялся этой необходимости. Церковная жизнь обхватывала его своим светом и теплотой как человека и как русского человека; он любил ее народную обстановку, любил русское богослужение, по природе своей хотел деятельно участвовать в нем, сколько это возможно мирянину, сам пел и читал в церкви.

Наука и школа переходной эпохи, выписанные из Западной России с ее тамошней обстановкою, мало или вовсе не коснулись Петра. Ему не дали учителя, какой был у его старших братьев, не дали какого-нибудь Симеона Полоцкого; эта наука и школа отнеслись даже враждебно к Петру: верный ученик Полоцкого, хранитель его преданий Сильвестр Медведев был ревностный приверженец Софьи и потому враг Петра. Таким образом, эта славяно-греко-латинская, или, вернее, греко-латино-польская наука осталась в стороне с ее богословскими спорами о времени пресуществления, с ее хлебопоклонною ересью. Петр был предоставлен самому себе. Огненный гениальный ребенок не может все сидеть в комнате без дела или перечитывать одну и ту же книгу; он рвется из печального, скучного, опального дома на улицу, собирает около себя толпу молодежи из придворных служителей, забавляется, играет с ними; как все живые дети, любит играть в войну, в солдаты.

Но одними этими играми и забавами не может удовлетвориться и в детстве такой человек, как Петр; требует удовлетворения жажда знания. Он останавливается на каждом новом предмете, превращается весь во внимание, когда говорят о каком-нибудь удивительном инструменте.

Говорят ему об астролябии; он непременно хочет иметь инструмент, «которым можно брать дистанции, не доходя до того места». Астролябия привезена; но как ее употреблять? Из русских никто не знает; не знает ли кто из иностранцев? Самый близкий человек из иностранцев, которого прежде других цари древней России считали необходимым вызывать к себе, это лекарь, дохтур. Не знает ли дохтур, как употреблять астролябию? Дохтур говорит, что сам не знает, но сыщет знающего, и приводит голландца Франца Тиммермана. Петр отыскал себе учителя и «гораздо пристал с охотою учиться геометрии и фортификации; и тако сей Франц чрез сей случай стал при дворе быть беспрестанно в компаниях с нами», — говорит сам Петр.

Но один иностранец не ответит на все вопросы, не удовлетворит всем требованиям. В Измайловских сараях, где складывались старые вещи, Петр находит иностранный английский бот, ставший для нас так знаменитым. Что это за судно, для чего употребляется? «Ходит на парусах по ветру и против ветра», — отвечает Тиммерман. Непременно надобно посмотреть, как это, непременно надо починить бот, спустить на воду. Тиммерман этого сделать не умеет, но он приводит своего земляка голландца Бранта. Бот на Яузе: «удивительно и зело любо стало». Но река узка, бот перетаскивают в Просяной пруд. «Охота стала от часу быть более», и вследствие этой охоты мы уже встретили Петра на Переяславском озере в работе пребывающим. Но и в ранней молодости односторонность не была в характере Петра: строение судов и плавание на них не поглощали всего его внимания; он в постоянном движении, работе и на суше; он учится геометрии и фортификации, обучает солдатские полки, сформированные из старых потешных и новых охочих людей, явившихся отовсюду, из знати и простых людей, строит крепость Пресбург на берегу Яузы. Даются примерные битвы, где в схватках с неприятельским генералиссимусом Фридрихом (кн [язем] Ромодановским) или польским королем (Бутурлиным) от-

личается Петр Алексеев, то бомбардир, то ротмистр. Но этот бомбардир и ротмистр был также и шкипером.

Переяславское озеро стало ему тесно; он посмотрел Кубенское — то было мелко; он отправляется в Архангельск, устраивает там верфь, закладывает, спускает корабли и пишет с восторгом: «Что давно желали, ныне свершилось».

Так воспитывался Петр, развивал свои силы. Мы видели, как в своем стремлении к знанию он встретился с иностранцами. Не умея приложить к делу известный инструмент и не находя между русскими никого, кто бы помог своим знанием, Петр отыскивает иностранца, который объясняет дело и становится его учителем, вследствие чего находится в его компании; другой иностранец объясняет ему значение бота. Естественно, что за решением многих и многих вопросов, которые толпятся в голове Петра, он должен обращаться к иностранцам, требовать их услуг, быть с ними в компании. Иностранцев довольно в Москве, целая компания, Немецкая слобода. Тут жили люди ремесленные и военные.

Западная Европа имела своих казаков в этих наемных дружинах, составлявшихся, так же как и наши казацкие дружины, из людей, которым почему-нибудь было тесно, неудобно на родине, и шли они служить тому, кто больше давал, искать отечества там, где было хорошо, и служили они в семи ордах семи королям, как выражалась старая русская песня о богатырях, этих первообразах и казаков Восточной Европы, и наемных дружинников Западной. Мы видели, что в Западной Европе государи обратились к наемным войскам, когда разбогатели, стали получать хорошие доходы, хорошие деньги от поднявшегося города, от промышленного и торгового движения.

Кроме того, наемные войска были желательны и потому, что отличались своим искусством: война была их исключительным занятием. И у нас в XVII веке являются эти западноевропейские наемники, но и вовсе не по-

тому, чтоб наши цари нуждались в войске и, разбогатев, получили возможность нанимать его. Бедное государство должно было тратить последнюю копейку на этих наемников, чтоб иметь обученное по-европейски войско, чтоб не терпеть слишком тяжких поражений вследствие не искусства своего помещичьего войска. В конце XVI и начале XVII века мы видим иностранных наемников в царском войске, выходцев из разных стран, немцев, французов, шотландцев. У себя в Западной Европе эти наемные дружинники хотя представляли известные особенности, однако не могли поражать резким отличием по общности нравов и обычаев, но понятно, как выделялись они у нас в XVII веке. Между ними, разумеется, нельзя было сыскать людей ученых, но это были люди бывалые, много странствовавшие, выдавшие много разных стран и народов, много испытывавшие, а известно, как эта бывалость развивает, какую привлекательность дает беседа такого бывалого человека, особенно в обществе, где книги нет и живой человек должен заменять ее.

Легко понять, что Петр, обратившись раз к иностранцам за решением различных вопросов, при своей пытливости, страсти узнавать новое, знакомиться с новыми явлениями и людьми должен был необходимо перешагнуть порог Немецкой слободы, этого любопытного, привлекательного мира, наполненного людьми, от которых можно было услышать так много нового о том, что делается в стране чудес, в Западной Европе. Петр в Немецкой слободе, Петр, представитель России, движущейся в Европу, входит в этот чужой мир, входит еще очень молодым, безоружным.

Молодой богатырь схватывается с этою силою, собственные силы его еще не окрепли, и он, естественно, подчиняется ее влиянию, ее давлению; это влияние обнаруживается в том, что самым близким, любимым человеком становится для него иностранец Лефорт. Лефорт был блестящий представитель людей, населявших Немецкую сло-

боду. Как все они, Лефорт не имел прочного образования, не мог быть учителем Петра ни в какой науке, не был мастером никакого дела, но это был человек бывалый, и притом необыкновенно живой, ловкий, веселый, открытый, симпатичный, душа общества. Петр подружился с ним, подружился дружбою молодого человека, дружбою страстною, увлекающеюся, преувеличивающею достоинства любимого человека. Влияние Лефорта на молодого Петра сильное, потому что мы подчиняемся самому сильному влиянию не того человека, которого мы только уважаем, но того, кого мы любим. Петру было весело, занято в Немецкой слободе, среди людей, которых речи были для него полны содержания, чего он не находил в речах окружавших его русских людей, и всего приятнее и занятнее было с Лефортом.

Что же делал Петр в этот период влияния Немецкой слободы, лефортского влияния? Развитие шло быстро; от работы, которая имела вид потехи, Петр переходил к настоящему делу; и Белое море становилось тесно, плавание по нем бесцельно, имело также вид потехи, а потехи уже наскучили, не удовлетворяли, от них оставалась пустота в душе, от них саднило на сердце. Человек мужал, и являлась потребность сделать что-нибудь важное, полезное. Что же сделать? Сначала, как обыкновенно, прельщают мечты, молодой человек еще рвется на предприятия далекие, имеющие связь с любимым занятием; зачем без цели строить корабли в Архангельске, заказывать их иностранцам? Нельзя ли чрез Северный океан отыскать проход к Китаю, Индии?

Потом мечта уступает мысли серьезной, осуществимой; на юго-востоке Россия прикасается также к морю, имеющему выгодное положение, чрез него можно ближе, удобнее завести торговые сношения с богатыми странами Азии; на него давно уже иностранцы указывали московскому правительству, требуя свободного проезда к нему для торговли: это Каспийское море. Надобно строить ко-

рабли для него, надобно ехать в Астрахань, завести сношения с Персиею. Итак, движение на Восток, к Азии; но естественно ли такое движение в тот период жизни народа, когда он именно стремился уйти с востока на запад, когда все внимание его было обращено на Европу? Естественно ли было ожидать, чтоб Петр начал с Каспийского моря? И вот поездка в Казань и Астрахань, несмотря на видимую пользу, практичность, приложимость, откладывается как дело тяжелое, неприятное. Все внимание и желание обращено на запад, там заветное море, туда надобно пробраться; но как? Заперто, и ключ у шведов.

Мысль кружится около России, постоянно останавливается у Балтийского моря, постоянно должна отступать, отталкиваться от него и все же опять неодолимо влечется к нему. Молодой орел бьется в клетке. Но молодой орел растет, мужает; уставши от кружения мысли около России, молодой человек мало-помалу войдет внутрь ее, станет на действительную почву, начнет заниматься настоящим, текущим делом. Северный океан, Китай, Индия, Каспийское море, Персия, Балтийское море, в которое труднее пробраться, чем в Восточный океан, — все это мечты, сказочные подвиги богатыря, ищущего приключений, отправляющегося на поиск заколдованного терема, спящей царевны и т. п.; человек пробуждается, грезы исчезают; является жизнь, наяву, настоящая, действительная, а настоящее, действительное — это Россия с ее внутреннею и внешнею жизнью, вот чем надобно заняться.

Что же здесь на первом плане? Война с Турциею, -война, начавшаяся в правление Софьи и ведшаяся при ней неудачно; надобно загладить эти неудачи, кончить войну с честью, славою; здесь самый удобный случай выступить на сцену достойно перед Россиею и Европою, а война идет европейская, первая европейская война для России в союзе с европейскими государствами. В царствование Алексея Михайловича продолжительная и тяжкая война России с Польшею за Малороссию кончилась крайним ис-

тощением обоих государств с тем различием, что Россия имела средства поправиться, а Польша их не имела.

По окончании этой войны польский вопрос получает новый вид. Оказалось, что России нечего бояться Польши; Польша не будет более помехою движению России в Европу; напротив, Польша должна затянуть Россию в европейские дела, в общую европейскую жизнь, если бы даже Россия этого не хотела: Польша по своему бессилию, по своему страдательному положению становилась ареною, на которой должны были бороться чужие народы, бороться с оружием в руках и дипломатическими средствами; Россия не могла оставаться праздною зрительницею этой борьбы, волею-неволею она должна принять в ней участие, не дать усилиться здесь враждебному влиянию, не дать чужим захватить своего, русского, а известно, сколько было русского добра у Речи Посполитой польской. Где труп, там соберутся орлы, и хищники вились над Польшею. Казак Дорошенко, гетман польской Украины, кликнул турецкого султана на добычу; поддавшись ему, турки явились на зов и разгромили Польшу, объявляя притязание на всю Украину, которую именем казачества отдавал им Дорошенко.

Таким образом, Россия втягивалась в первый раз непосредственно в войну с Турциею и, естественно, должна была помогать Польше. Турки в последний раз перед упадком своим явились грозны для соседей: Австрии, Венеции предстояла страшная опасность; Вена подвергалась осаде. Такое положение естественно вело к союзу этих соседей против общего врага, врага всему христианству. Россия и Польша заключили вечный мир; Ян Собеский со слезами подписал знаменитый Московский договор, по которому Киев навсегда оставался за Россиюю, но за эти слезы Россия должна была заплатить деятельною помощью Польше против турок.

Впервые Россия вступала в общее действие с европейскими державами, с Польшею, Австриею и Венециею, яви-

лась членом этого союза, который назывался священным. В Москве решено было действовать против Крыма, чтоб удержать татар от подания помощи туркам. Два степных похода на Крым, соединенные страшными тягостями для войска, были неудачны, что наложило пятно на правление Софии, на ее любимца кн[язя] В. В. Голицына, предпринимавшего эти походы. Крупных военных действий не было до тех пор, пока в развитии Петра не произошел поворот от юношеской мечты, от неясных стремлений, от неопределенных порывов к действительности, от юношеской потешной деятельности к труду государя.

Надобно было продолжать энергически и кончить с честью и пользой турецкую войну, тем более что восточный вопрос представлялся уже с тем великим политическим и нравственным значением, какое он имеет в жизни русского народа. Иерусалимский патриарх писал, что французы, пользуясь враждою между Россиею и Портою, отнимают святые места у православных. «Нам лучше жить с турками, чем с французами, — писал патриарх, — но вам не полезно, если турки останутся жить на севере от Дуная, или в Подоле, или на Украине, или если Иерусалим оставите в их руках: худой это будет мир, потому что ни одному государству турки так не враждебны, как вам. Если не будет освобождена Украина и Иерусалим, если турки не будут изгнаны из Подолии, не заключайте мира с ними, но стойте крепко. Если будут отдавать вам весь Иерусалим, а Украины и Подолии не уступят, не заключайте мира. Помогите полякам и другим, пока здешние погибнут. Вперед такого времени не сыщете, как теперь. Вы упросили Бога, чтоб у турок была война с немцами; теперь такое благоприятное время, а вы не радуете. В досаду вам турки отдали Иерусалим французам и вас ни во что ставят. Много раз вы хвалились, что хотите сделать и то и другое, и все оканчивалось одними словами, а дела не явилось никакого». Не Петру было слушать, что дело не явилось. Дело явилось в 1695 году.

Но шкипер не пойдет в степной поход; он подплывает к сильной турецкой крепости Азову, загораживающей дорогу к морю. Шкипер подплыл под Азов, преодолев большие препятствия, задержки. «Больше всех задержка была от глупых кормщиков и работников, которые именем слывут мастера, а дело от них, что земля от неба», — писал Петр. «Но, — продолжал он, — по молитвам св[ятых] апостолов, яко на камени утвердяся, несомненно веруем, яко сыны адские не одолеют нас». При осаде шкипер превратился в бомбардира, сам чинил гранаты и бомбы, сам стрелял и записал:

«Зачал служить с первого азовского похода бомбардиром». Но дело не сделалось. Азов не был взят; Петр возвратился в Москву, и начинается страшная деятельность. Царь вызывает из-за границы новых мастеров, из Архангельска — иностранных корабельных плотников, хочет строить суда, которые должны плыть к Азову и запереть его от турецких судов, дававших помощь осажденным. Это было в ноябре 1695; корабли должны быть готовы к весне будущего 1696 года. Возможно ли это? В Москве строят галеры по образцу привезенной из Голландии; в лесных местах, ближайших к Дону, 26 000 работников рубят струги, лодки, плоты.

В начале 1696 года Петр с больною ногою едет в Воронеж. Опять препятствия, задержки: иностранные лекаря пьют и в хмелю колят друг друга шпагами, подводчики бегут с дороги, бросая перевозимые вещи; леса горят именно там, где рубят струги; в Воронеже капитан кричит, что в кузнице угля нет; мороз не вовремя снова леденит реки и останавливает работы, но Петр не отчаивается. «Мы, — пишет он, — по приказу Божию к прадеду нашему Адаму в поте лица своего едим хлеб свой». Этот хлеб ел он в маленьком домике, состоявшем из двух комнат. И вот летом в Москве получают от него письмо: «Господь Бог двалетние труды и крови наши милостию своею награди: азовцы, видя конечную свою беду, сдались».

Неудача, сламывающая слабого, возбуждает силы сильного; неудача первого азовского похода выказала те громадные силы, которыми обладал Петр; здесь последовало явление великого человека. С этих пор мы будем иметь дело с Петром Великим

СТРОИТЕЛЬСТВО ФЛОТА. ПОЕЗДКА ЗА ГРАНИЦУ. СТРЕЛЕЦКИЙ БУНТ

После неудачи не отчаиваться, но усилить труд для того, чтоб как можно скорее поправиться; после удачи не отдыхать, не складывать рук, но также усиливать труд, чтоб воспользоваться плодами удачи, — вот примета великого человека. По возвращении из второго азовского похода у царя идут совещания с боярами. «Нельзя довольствоваться тем, — говорит Петр, — что Азов взят; после осады он в самом печальном положении, надобно его укрепить, устроить, снабдить жителями и гарнизоном, но и этого мало; сколько бы мы войска ни ввели в Азов, турок и татар не удержим, тем более что конницы там много иметь нельзя. Надобно воевать морем; для этого нужен флот или караван морской в 40 и более судов. Прошу порадеть от всего сердца для защиты единоверных и для своей бессмертной памяти. Время благоприятное, фортуна сквозь нас бежит, никогда она к нам так близко на юге не бывала: блажен, кто схватит ее за волосы».

Решено поднять общими силами великую, небывалую тягость строения флота. Землевладельцы, патриарх, архиереи и монастыри, бояре и все служилые люди с известного числа крестьянских дворов ставят по кораблю; торговые люди должны поставить 12 кораблей. Общее дело: надобно соединяться, складываться, и потому составляется несколько компаний (кумпанств). Кроме русских плотников каждое кумпанство обязано было содержать на свой счет мастеров и плотников иностранных, переводчи-

ков, кузнецов, резчика, столяра, живописца, лекаря с аптекою. Чем больше нового необходимого дела, тем больше нужды в иностранцах, которых надобно вызывать толпами. Долго ли же так будет? Долго ли оставаться в такой зависимости от иностранцев? Необходимо, чтобы русские скорее выучились, скорее и как можно лучше выучились; для этого надобны большие средства, а главное — лучшие учителя.

Но Западная Европа вдруг не перенесет к нам своих средств, накопленных веками, и не пришлет к нам лучших своих учителей. Надобно, следовательно, послать русских людей учиться за границу, и 50 человек молодых придворных отправились в Венецию, Англию и Голландию. Но как они там будут учиться, у кого, как потом узнать, хорошо ли они выучились, всем ли воспользовались и к чему способны? Надобно, чтоб кто-нибудь из русских прежде их там выучился, все узнал; и кто же будет этот русский первый ученик? Разумеется, начальный человек в великой работе, на которую шел народ, — известный шкипер, бомбардир и капитан.

В 1697 году по Европе проходят странные вести: при разных дворах является русское посольство; в челе его — два великих полномочных посла: один — иностранец, женевец Лефорт, другой — русский, Головин; в свите посольства удивительный молодой человек, называется Петр Михайлов; он отделяется от посольства, останавливается в разных местах, учится, работает, особенно занимается морским делом, но ничто не ускользает от его внимания; жажда знания, понятливость, способности необыкновенные; и этот необыкновенный человек — сам царь русский.

Явление, никогда не бывалое в истории, возбуждает сильное любопытство, и вот две женщины, которые могли справедливо считаться представительницами западноевропейского цивилизованного общества по своим способностям и образованию, спешат посмотреть на диковину,

на дикаря, который хочет быть образованным и образовывать свой народ; эти женщины были ганноверская курфюрстина София и дочь ее, курфюрстина бранденбургская София Шарлотта. Какое же впечатление произвел на них Петр? Вот их отзыв. «Я представляла себе его гримасы хуже, чем они на самом деле, и удержаться от некоторых из них не в его власти. Видно также, что его не выучили есть опрятно, но мне понравилась его естественность и непринужденность», — говорит одна. Другая распространяется более: «Царь высок ростом; у него прекрасные черты лица и благородная осанка; он обладает большою живостью ума, ответы его быстры и верны. Но при всех достоинствах, которыми одарила его природа, желательно было бы, чтоб в нем было поменьше грубости. Это государь очень хороший и вместе очень дурной; в нравственном отношении он полный представитель своей страны. Если бы он получил лучшее воспитание, то из него вышел бы человек совершенный, потому что у него много достоинств и необыкновенный ум».

Станный, а может быть, и оскорбительный отзыв? Государь очень хороший и вместе очень дурной! Действительно, мы к такому резкому сопоставлению противоположных сторон не привыкли. По слабости своей природы человек с большим трудом привыкает к многосторонности взгляда, для него гораздо легче, покойнее и приятнее видеть одну сторону предмета, явления, на одну сторону клонить свои отзывы, бранить так бранить, хвалить так хвалить. Найдут хорошее качество, хороший поступок, хорошее слово у какого-нибудь Нерона и пишут целые сочинения, что напрасно считают Нерона Нероном, он был хороший человек, и найдутся люди, которые восхищаются: «Ах, какая новая мысль: Нерон был хороший человек; честь и слава историку, который открыл такую новость, наука двинулась вперед». Отыщут дурное качество или дурной поступок у человека, который пользовался славою, противоположною славе Нерона, и начи-

наются толки, что напрасно величали его благодетельную деятельность, вот какой дурной поступок он сделал тогда-то; а другие восстают с ожесточением на дерзкого, осмелившегося заявить, что в солнце есть пятна; в солнце не может быть пятен, в деятельности такого-то знаменитого деятеля не может быть темных сторон, в ней все хорошо, кто находит, что не все хорошо, тот — человек злонамеренный, и вот этого злонамеренного благонамеренные стараются принести в жертву памяти знаменитого человека; жертва языческая, заклятие человека теням умерших! А все оттого, что забывается, чему учат в раннем детстве, забываются две первые заповеди, что Бог един, одно только существо совершенное и не должно иметь других богов, не должно творить себе кумиров из существ несовершенных. Памятование этих заповедей есть первая обязанность историка, если он действительно хочет двигать вперед свою науку, хочет представлять живых людей, с светлыми и темными сторонами их умственной и нравственной деятельности, называя знаменитыми тех, у кого результаты деятельности светлых сторон далеко превысили результаты деятельности темных, называя великими тех, которые по свету и теплоте своей деятельности являются солнцами, хотя и не без пятен, которые окупили свои темные стороны великими делами, великими жертвами, которым много оставляется, потому что возлюбили много.

Поэтому мы несколько не смутимся приговором образованной наблюдательной женщины над нашим Петром. Он ей показался очень хорошим и вместе очень дурным, и мы даже не ограничим этого дурного одним внешним, не скажем, чтобы эта владетельная дама образованной Европы была оскорблена внешнею грубостью, незнанием правил внешнего приличия, неумением есть опрятно; мы признаем, что здесь дело идет не об одном внешнем. Петр был человек, одаренный необыкновенными силами: дело воспитания состоит в том, чтоб приучать человека давать

*Петр I в голландском кабаке.
Неизвестный художник XVIII века.*

правильное употребление своим силам, ставить нравственные границы для них. Воспитание не оканчивается домом, школою; воспитывает главным образом общество; оно воспитывает хорошо, если выработало известные нравственные законы, поставило нравственные границы и зорко смотрит, чтоб личная сила не переступила их; общество воспитывает хорошо, если дает простор всякой силе в ее хорошем направлении и сейчас же ее сдерживает, как скоро она уклонилась от этого направления.

Что обыкновенно делает человек, когда отправляется из дому в общество, где встретит людей, к которым питает уважение? Он заботится, чтоб все его внешнее не произвело невыгодного впечатления, он охорашивается, старается вести себя прилично. Благо тому обществу, которое необходимо требует, чтоб каждый член, входя в него, нравственно охорашивался, чтоб каждая сила употреблялась надлежащим образом, чтоб личная сила не переступала известных нравственных границ, поставленных общественным самоуважением, общественным тактом: такое общество дает хорошее воспитание человеку.

Но горе тому обществу, где сила не находит себе нравственных границ, где она не считается с другими силами, не чувствует обязанности сторониться перед ними, где перед нею расступается доступная ее давлению, мягкая, слабая толпа и сила разнуздывается беспрепятственно. Горе тому обществу, которое не может встретить каждую силу строгим допросом, откуда она и куда направлено ее стремление, не может испытать, настоящая ли это сила или фальшивая, самозванная. Горе тому обществу, которое способно преклониться и служить этой фальшивой, самозванной силе. Юре тому обществу, в которое можно вступить, не охорашиваясь нравственно, с полным неряшеством, без уважения к общественному глазу в делах своих, без уважения к общественному уху в словах своих, без уважения к общественному смыслу в мыслях своих. Горе тому обществу, где порок не ищет темных углов, но гор-

деливо разгуливает при дневном свете по улицам и площадям, Горе тому обществу, которое не умеет поверять ни слов, ни дел, которое безотчетно увлекается, как ребенок, первым движением, первым громким словом. Такое общество не может дать хорошего воспитания: дети могут ли воспитать мужей?

Мы видели, что Петр не мог получить школьного воспитания, разумея под ним правильное научное образование, умственное и нравственное, под руководством более или менее искусных наставников. Но быть может, общество могло восполнить этот недостаток, могло дать ему хорошее воспитание? После внимательного рассмотрения состояния старинного русского общества, в котором Петр необходимо должен был воспитываться, мы получим ответ отрицательный. Физической разбросанности, разрозненности народа соответствовала нравственная не сплоченность общества и потому невозможность выработать крепкие нравственные границы для сил, которым предоставлялся широкий степной простор; личная сила могла встретить себе сдержку в другой большой личной силе или в собирательной физической силе толпы. Дурной воевода, например, мог делать все, что хотел, нравственных сдержек не было; он мог пасть, если встречался с каким-нибудь другим, более сильным лицом, или от восстания, бунта толпы, выведенной из терпения его насилиями. Экономические условия не могли вести к благоприятным для нравственных сдержек отношениям, ибо эти условия заставили невооруженную часть народонаселения непосредственно кормить вооруженную. Не выработались известные сословные группы, крепкие своею внутреннею сплоченностью, сознанием своих общих интересов, своих прав, определенностью своих отношений друг к другу, сознанием, которое могло поднимать нравственно каждого члена такой группы, сильного не личною силою, но своею крепкою связью с сочленами своими при равенстве между ними.

Все отношения основывались на личной силе: человек безусловно подчинялся более сильному и в то же время безусловно подчинял себе менее сильного, и, таким образом, преобладающим отношением было отношение господина к рабу. Отсутствие образования, науки задерживало развитие духовных сил, не вело к появлению особого рода авторитетов, сильных не физической силой, не силой своего положения, но средствами исключительно нравственными. Отсутствие образования, науки отнимало возможность самостоятельно относиться к каждому явлению, поверять его, отличать истинные авторитеты от ложных. Отсутствие образования, науки давало то печальное духовное равенство, при котором различию по материальным средствам давалась полная сила. Все это вместе с долговременным отчуждением народа от общения с народами, стоявшими на равной или высшей ступени общественного развития, постоянное обращение с народами, стоявшими на низшей ступени, не могло благоприятно действовать на состояние общества в древней России, давать ему возможность хорошо воспитывать своих членов.

Нравы были грубы, и нам не нужно входить в подробности для доказательства сказанного, стоит указать на одно доказательство ясное и неопровержимое - затворничество женщины. Существо, от которого преимущественно зависит соблюдение чистоты семейной, наряда внутренней жизни, и существо слабое материально, женщина не могла быть безопасна в обществе, на улице. В обществе мужчин, дома и вне дома глаз ее не был безопасен от оскорбительного для нравственности зрелища, ухо — от оскорбительного для нравственности слова; существо слабое физически не было безопасно при отсутствии уважения сильного к слабому вообще. Но при таких условиях естественное и необходимое дело — уйти, спрятаться, запереться, не выглядывать на свет, чтоб не видеть дел темных. При объяснении этого явления не нужно прибегать к мудрствованиям, натяжкам, предполагать какие-то чужие